

БРОНЗОВАЯ ПЛАСТИКА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА С БАРСОВОЙ ГОРЫ

Бронзовая пластика Урало-Сибирского региона привлекает внимание исследователей по крайней мере с конца XIX в. Неоднократно подчеркивалось ее культовое назначение, в литературе широко распространен термин «культовое литье». Следует отметить работы Ф. А. Теплоухова, А. А. Спицына, В. Н. Чернецова, М. Ф. Косарева, Л. С. Грибовой, Л. А. Чиндиной, Л. В. Чижовой, Н. В. Федоровой, К. И. Корепанова, Н. В. Полосьмак и Е. В. Шумаковой и многих других. Урало-сибирскому культовому литью посвящена монография Ю. В. Балакина¹, где подробно рассмотрена и историография вопроса. В зависимости от поставленных задач одни исследователи видели в урало-сибирском культовом литье некое единство, транскультурный феномен, зафиксированный у населения таежной зоны Урала и Сибири, экономика которого базировалась на присваивающем хозяйстве. В этом плане урало-сибирскую пластику (не только культовую и не только металлическую) можно противопоставить скифо-сибирскому звериному стилю, возникшему в среде с производящими формами хозяйства. Ю. В. Балакиным сделана попытка выявить древнейшие архетипы, лежащие в основе образов культового литья². Интересны работы Н. В. Федоровой, проследившей эволюцию бронзовой художественной пластики в Обь-Иртышском регионе и выделившей в ней три хронологических «общесибирских», или «общерегionalных, стиля»³. Другие специалисты, отмечая это единство, акцентировали внимание на локальных (региональных) различиях, выделяя «пермский звериный стиль», «сибирский звериный стиль», «западносибирское культовое литье», «урало-сибирское культовое литье», «плоское литье усть-полуйского ти-

па», «ажурное литье кулайского типа» и др. В перечисленных терминах сказываются и отсутствие единых критериев типологии, и разные подходы исследователей к анализируемому материалу (здесь рассматривается только бронзовая пластика раннего железного века). Данная тенденция преобладает. Но, как справедливо отмечает Ю. В. Балакин, «правы обе стороны, если иметь в виду, что угол зрения может и должен меняться в зависимости от того, какая цель поставлена в конкретном исследовании»⁴.

Территориальные рамки работы – область западносибирской тайги, где в эпоху раннего железа сформировалась огромная культурно-историческая общность – кулайская. В свое время В. Н. Чернецовым⁵ были выделены три таежные культуры: усть-полуйская (Нижнее Приобье), кулайская (Нарымское Приобье) и среднеиртышская (Среднее Прииртышье). Хотя в последнее время все более утверждается мнение об этих культурах как локальных вариантах одной общности, в ряде обобщающих работ сохраняется отношение к ним, как к разным явлениям (общностям)⁶. Одной из причин этого является недостаточное число публикаций о древностях из районов, лежащих между территориями, традиционно рассматривавшимися как усть-полуйская и кулайская. Поэтому основной задачей данной работы является ввод в научный оборот новых источников, происходящих из центральной части западносибирской тайги, где выявлен собственный генезис кулайских древностей. Автором уже высказывалась мысль о вероятной автохтонности кулайского населения на всей территории Среднего Приобья и части (или даже всего ?) Нижнего Приобья и о формировании ряда локальных вариантов культуры (общности) не в результате инокультурных миграций, а на основе местных древностей белоярско-васюганского этапа раннего железного века, генетически связанных с культурно-исторической общностью керамики с гребенчато-ямочным орнаментом эпохи бронзы⁷.

Ценность рассматриваемых источников заключается также в том, что подавляющее большинство вещей происходит из однослойных кратковременных поселенческих или погребальных комплексов, изученных в урочище Барсова гора – уникальном археологическом микрорайоне на правом берегу Оби в окрестно-

стях г. Сургута. Это позволяет установить их относительную хронологию и проследить эволюцию образов литья в рамках раннего железного века региона. Всего в урочище было обнаружено свыше 100 изделий бронзовой художественной пластики⁸. Некоторое количество находок опубликовано⁹, но большая часть их до сих пор не издана*.

В свое время мной было предложено деление эпохи раннего железа в таежной зоне на два этапа – белоярско-васюганский и собственно кулайский¹⁰. Для первого этапа (VII – IV вв. до н.э.) в Сургутском Приобье выделены две археологические культуры – белоярская (автохтонная) и калинкинская (видимо, связанная с мигрантами из более южных районов). Бронзовая пластика до сих пор найдена только на белоярских поселениях (примерно 17 экз.). Остальные изделия происходят с памятников второго, кулайского, этапа.

В работе не затрагиваются специально ни проблемы типологии, ни технология литья. Вопросами классификации и типологии кулайского культового литья занимались М. Ф. Косарев¹¹, Л. В. Чижова¹², Л. А. Чиндина¹³, Н. В. Федорова¹⁴, Я. А. Яковлев¹⁵ и другие исследователи. Хотя имеющиеся типологии не всегда достаточно корректны, я не предлагаю новую. При систематизации материалов Барсовой горы использовались схемы Л. А. Чиндиной и Я. А. Яковлева, выделенные же мной типы и виды подчас носят описательный характер. Но в отличие от своих предшественников под типами я понимаю совокупности вещей, объединенных одним образом (сюжетом), а не группы разнообразных по сюжетам изделий, выполненных по одной технологии.

Существует несколько взглядов на технологию изготовления бронзовой пластики эпохи раннего железа. Так, Л. А. Чиндина полагает, что отливки делались в пластичных формах из глины или

---

* Я выражаю благодарность моим коллегам: Г. В. Бельтиковой, В. А. Борзунову, М. В. Елькиной, А. А. Погодину, Г. А. Степановой, В. И. Стефанову и Н. В. Федоровой за разрешение использовать их материалы в публикации. Благодарю также жителя пос. Барсово В. П. Русакова за переданные им в разные годы находки. Рисунки к статье выполнены Н. М. Диановым, В. А. Мироновым, В. И. Стефановым, Р. В. Тихой, А. Ю., В. П. и Ю. П. Чемякиными, В. Н. Широковым.

формовочной земли¹⁶. С. А. Терехин пишет, что «наиболее вероятным материалом для формовки плоских культовых изделий кулайцев является илисто-песчанистая смесь»¹⁷. По мнению И. А. Дуракова и Т. Н. Троицкой, литье даже плоских кулайских изображений производилось в жестких глиняных разъемных «полупостоянных» двусторонних формах, одна часть которых была плоской, а другая несла на себе негативный рельеф¹⁸. Я понимаю также условность применения термина «бронзовая пластика» до проведения анализов и выяснения состава металла: уже сейчас известно, что наряду с различными сплавами население Сургутского Приобья использовало чистую медь, что отчасти было обусловлено источниками поступления металла¹⁹. Однако на сегодняшний день химический состав большей части изделий неизвестен.

Условно все многообразие бронзовой пластики, найденной на Барсовой горе, можно разделить на 4 типа: древовидные, зооморфные, птицевидные (орнитоморфные) и антропоморфные изображения. Хотя степень условности или стилизации образов некоторых вещей такова, что их нельзя однозначно отнести к тому или иному типу (например, я не исключаю, что часть «древовидных идолов» в действительности являются зооморфными). Кроме того, некоторые предметы сочетают признаки двух и даже трех типов. Наряду с изделиями, имевшими скорее всего культовый характер, я счел возможным рассмотреть украшения костюма (застежки, накладки, пронизки). Различия в назначении поделок обусловили и различия в технологии изготовления, а в ряде случаев – и в иконографии образов. Поэтому в настоящей работе я считаю целесообразным рассмотреть разные категории изделий (а среди украшений – каждый класс) отдельно.

Наиболее многочисленна категория так называемых культовых вещей («культового литья»).

1. Древовидные изображения.

В этот тип объединены изделия с отростками, интерпретация которых затруднена. Можно наметить следующие подтипы.

1. Изделие в виде «раздваивающегося ствола» со сходящимися вершинами (случайная находка на коренном берегу напротив Микишкиной протоки, примерно в 3 км к западу от современного пос. Барсово – рис. 1–2).

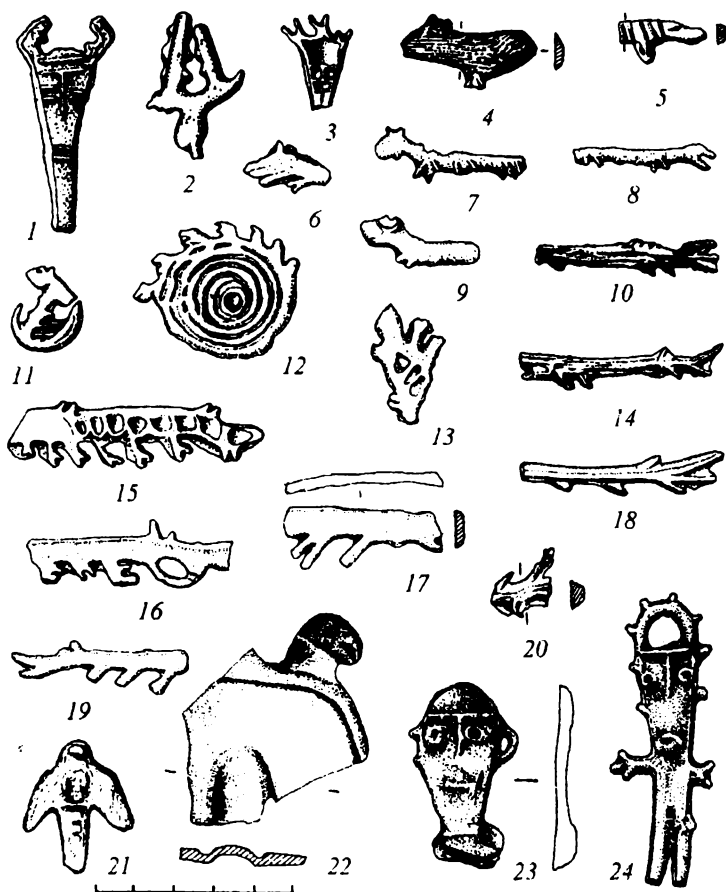

Рис. 1. Культовое литье с памятников белоярской (1, 3-9, 11-13, 15-17, 20-22) и кулайской (10, 14, 18, 19) культур: 1 – селище Барсова гора III/19; 2 – случайная находка на II участке Барсовой горы; 3-4 – городище Барсов городок I/3; 5 – городище Барсов городок III/1 (объект 335); 6 – поселение Барсова гора III (объект 240); 7-8 – селище Барсова гора I/21; 9, 11-13, 15-16, 21 – селище Барсова гора III/49 (объект 161); 10 – селище Барсова гора III/2 (объект 33), 14 – городище Барсов городок III/3; 17 – селище Барсова гора III/22; 18 – городище Барсов городок III/3; 19, 23 – селище Барсова гора IV/10; 20 – городище Барсов городок I/25; 22 – селище Барсова гора I/40; 24 – случайная находка на селище Барсова гора IV/10

2. Вытянутая подтрапцевидная фигурка, увенчанная шестью спаренными отростками; в нижней части рельефом выделены три маленьких прямоугольника (городище Барсов городок I/3, белоярская культура – рис. 1–3). В ней можно увидеть и стилизованную антропоморфную личину.

3. Напоминающие предыдущую вытянутые фигурки с раздвоенными вершинами, заканчивающимися отростками; в верхней части рельефом из пересекающихся прямых отрезков выделены маленькие прямоугольники (рис. 2–2, 3). Одинарная и тройная фигурки обнаружены вместе с зооморфными и птицевидной в берестяном туюске (рис. 3–2) в погребении 3 Барсовского VII могильника кулайской культуры²⁰. Им близки антропоморфное (?) изображение с белоярского селища Барсова гора III/19 (рис. 1–1) и древовидные, или ракообразные, фигуры, готовые изделия и литейные формы для которых найдены на Южном Урале²¹. В меньшей степени похожи на них древовидные антропоморфные идола типа Адуйского²². Их сближают увенчанные отростками или рубчатым кантом верхние части («головы»). Эти изображения также можно рассматривать как антропоморфные.

4. Древовидные фигуры, напоминающие ветки с отростками. Некоторые из них можно назвать и стилизованными зооморфными изображениями (хтоническими существами?). Три похожие вещи происходят с кулайских памятников: селища Барсова гора III/2 (рис. 1–10) и городищ Барсов городок I/20 и III/3 (рис. 1–14, 18). Еще одна фигурка, к которой нитью был привязан кусочек меха, найдена на святилище, возникшем на площадке городища Барсов городок I/9 (рис. 4–1). Возможно, к этому же подтипу принадлежит обломок фигурки с городища Барсов городок I/25 (рис. 1–20).

5. Ажурная пламевидная фигурка найдена в объекте 161 (наземном жилище) селища Барсова гора III/49 белоярской культуры (рис. 1–13). Имеет подтреугольную форму с четырьмя лучами-протуберанцами вверх (?). Сбоку два коротких соединенных выступа. Центральная часть, видимо, должна была представлять собой отверстие, разделенное двумя прямыми перегородками на три части. Однако при отливке сквозными получились лишь две из них.

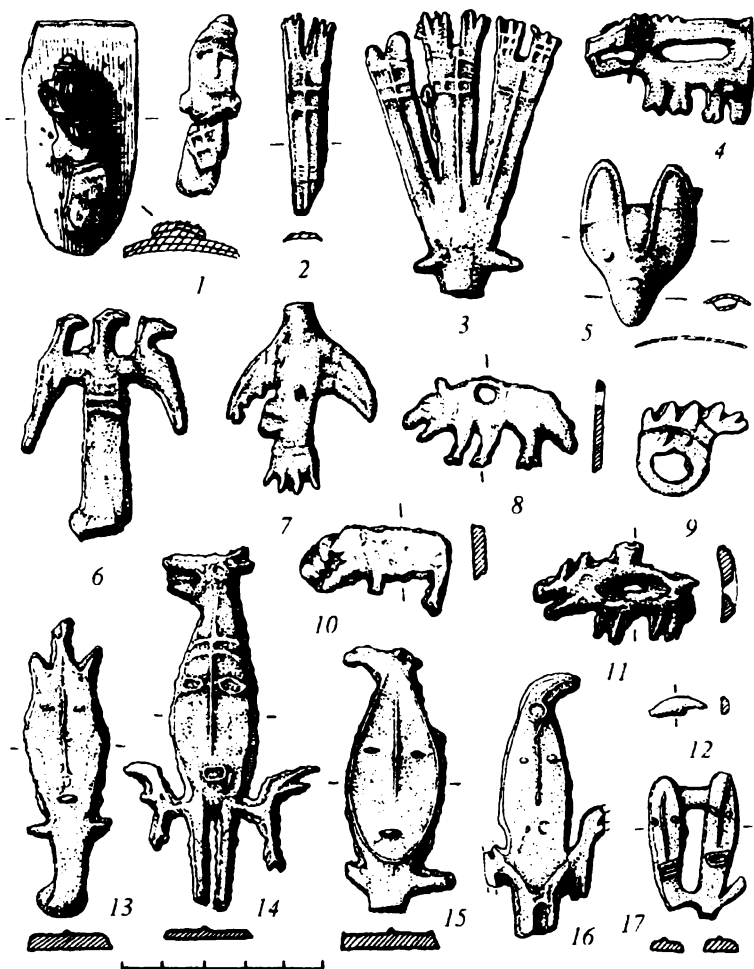

Рис. 2. Культовое литье из могильника Барсовский VII

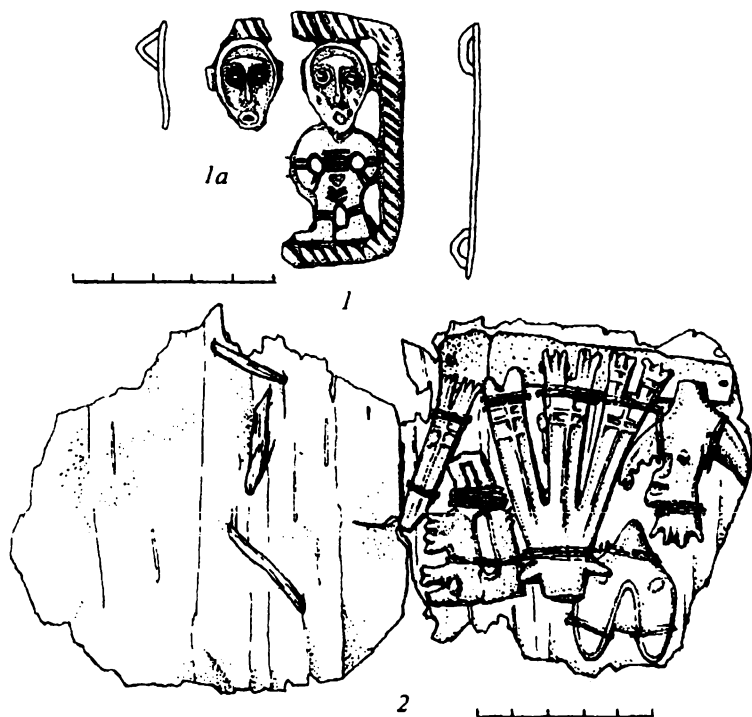

Рис. 3. Культовое литье из могильника Барсовский VII: 1 -- погребение 6; 2 -- берестяная коробочка из погребения 3 (реконструкция)

Близка пламевидной (при вертикальном положении) фигурка из белоярского жилища (объект 240) поселения Барсова гора III, но с еще большим основанием о ней можно говорить как о зооморфной (рис. 1–6).

II. Зооморфные изображения.

Наиболее многочисленный тип. Среди культовых изделий имеются стилизованные, или условно зооморфные, и изображения, образы которых достаточно узнаваемы. На Барсовой горе предварительно выделено 7 подтипов, внутри которых иногда можно наметить несколько видов и даже подвидов.

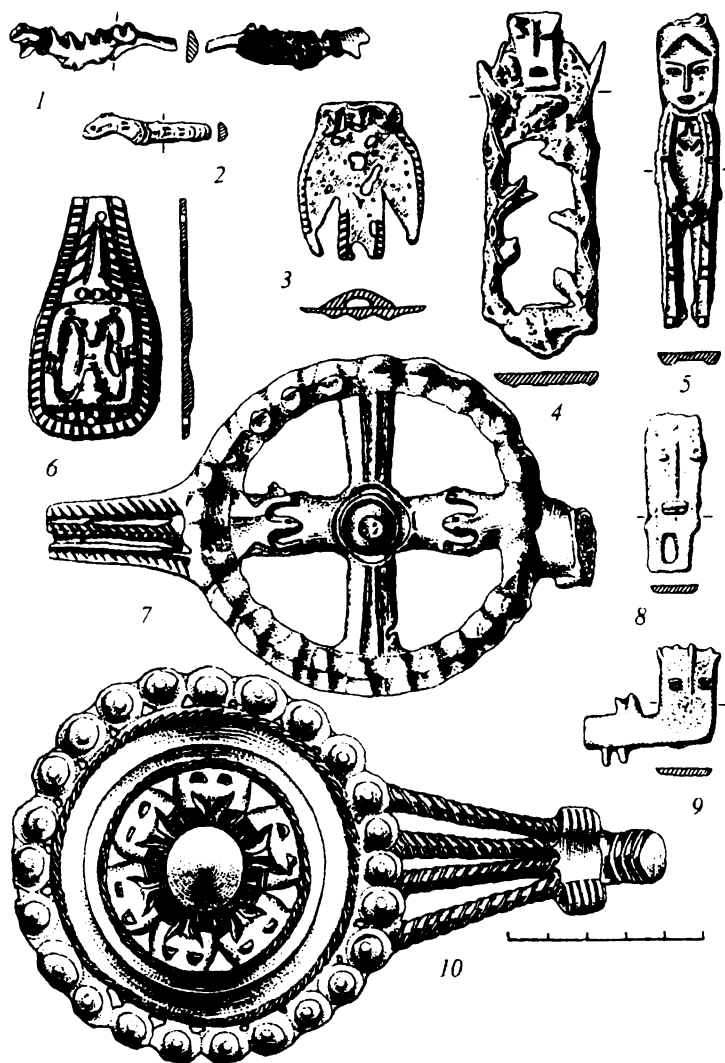

Рис. 4. Культовое литье с кулайского святилища на городище Барсов городок 1/9

1. Простые зооморфные образы с выделенными головой и конечностями. Иногда на теле рельефом даны вертикальные полосы. Большая часть этих «примитивных» изделий найдена на поселениях белоярской культуры (рис. 1–4–9, 15–17, 19). Но несколько вещей происходит из кулайских жилищ (рис. 5–2, 9) и святилища (рис. 4–2). Одна из фигурок отличается многоногостью (рис. 1–15). Силуэты ряда изделий напоминают силуэты животных семейства куньих (рис. 1–7–9; рис. 4–2), другие похожи на канисовых (рис. 1–15, 16, 19), однако однозначно отождествлять их с указанными группами животных было бы неправильно. Возможно, к этому типу следует отнести и фигурку из объекта 240 (наземного жилища поселения Барсова гора III), трактуя ее как голову животного с утрированными передними конечностями (рис. 1–6). Отметим некоторое сходство ряда фигурок с древовидными изображениями (рис. 1–10, 14, 18; 4–1).

2. Изображения медведей (?) в значительной степени условны. Выделяются профильные фигуры и голова. Все находки происходят с кулайских памятников:

А) Профильные фигурки медведей; во всех случаях звери изображены головой влево (иконографический тип 1, по Н. В. Федоровой²³). Различаются сплошные (рис. 2–8, 10; 5–1) и ажурные (рис. 2–4, 11), с раскрытой (рис. 2–8, 11; 5–1) и закрытой (рис. 2–4, 10) пастью, с петелькой или отверстием для крепления (подвешивания). На одной из фигурок уцелели нити (рис. 2–4). Возможно, изображением медведя является и фигурка с селища Барсова гора III/21; вокруг его морды также сохранились нити (рис. 5–2). На изделии с городища Барсов городок III/6, отличающемся относительно большими размерами и наличием петельки, на тулове рельефом показаны ребра (?; рис. 5–1).

Интересно, что разные виды и подвиды изображений встречаются вместе. Так, в уже упоминавшемся берестяном туеске из могилы 3 Барсовского VII могильника среди прочих изделий лежали ажурная фигурка с закрытой пастью и голова медведя (рис. 2–4, 5), а в погребении 6 того же могильника – еще три разнотипных фигурки (рис. 2–8, 10, 11).

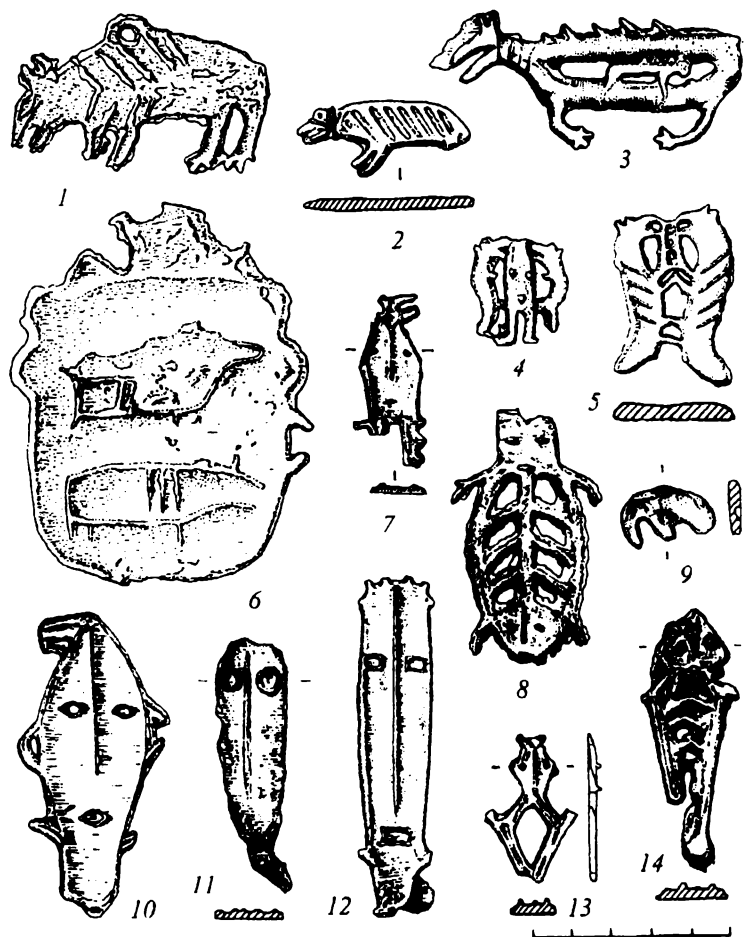

Рис. 5. Культовое литье с памятников кулайской культуры: 1, 6 – городище Барсов городок III/6; 2–3 – селище Барсова гора III/21; 4 – селище Барсова гора III/36; 5 – селище Барсова гора III/10; 7–8 – селище Барсова гора III/16; 9, 11–14 – городище Барсов городок I/22; 10 – городище Барсов городок I/17

Б) Голова медведя (?) в фас (рис. 2–5) обнаружена в берестяном туюске из могилы 3 Барсовского VII могильника. Отличается большими округлыми ушами. Данный иконографический тип,

представленный пока единичным изделием, отсутствует в классификации Н. В. Федоровой.

3. Куньи (?) в геральдической позе. Две ажурные фигурки найдены в жилищах на поселениях кулайской культуры. Одна из них изображает зверьков, между передними лапами и мордами которых находится непонятный предмет в виде решетки (рис. 5–5). На другой между фигурками зверьков помещено антропоморфное изображение (рис. 5–4).

4. Ажурная зооморфная фигура с пятью наклонными отростками на спине («поднятой дыбом шерстью») и маленькой зооморфной же фигуркой (детенышем) внутри (рис. 5–3). Она найдена вместе с другим зооморфным изображением (рис. 5–2) в жилище селища Барсова гора III/21. Ее силуэт напоминает, с одной стороны, северного оленя, с другой – волка. Но для волка не характерно отсутствие хвоста, а для оленя — лапы, заканчивающиеся четырьмя пальцами (правда, их можно трактовать как четыре копытца; кроме того, на Кулайском культовом месте известны изображения лосей с ногами, заканчивающимися и тремя, и четырьмя пальцами). На шее фигуры три рельефных валика. Близкий образ лосихи с детенышем найден на Кривошеинском культовом месте²⁴.

5. Фантастическое двухголовое животное с овальным туловищем и четырьмя конечностями, отлитое в так называемом скелетном стиле (рис. 5–8). Головы, расположенные на противоположных концах тулова, видимо, представляют собой антропоморфные личины. Найдено В. П. Русаковым вместе с личиной (рис. 5–7) в центре пос. Барсово, где в начале 1970-х гг. В. М. Морозовым было отмечено скопление объектов в виде наземных площадок с обваловкой (остатки наземных жилищ), видимо, относившихся к кулайской культуре (селище Барсова гора III/16?).

6. Змееподобные существа. Сюда отнесены два предмета, имеющие в своей основе круглую форму и происходящие из объекта 161 селища Барсова гора III/49, а также находка в погребении 6 Барсовского VII могильника кулайской культуры. Есть интерпретация этих изображений как связанных с соляным культом. Однако связь эта проблематична. В подтипе выделены два вида:

А) Фигура, напоминающая зооморфную, нижняя (?) часть которой вписана в полуокружность (объект 161, рис. 1-11).

Б) Предмет в виде круга с семью отростками с одной стороны (с «протуберанцами»). В центральной части изображены вписанные друг в друга окружности (объект 161, рис. 1-12). Изделие трактовалось и как свернувшаяся в кольцо змея (можно вспомнить духов в виде семиголовых змей из селькупской мифологии). Похожая вещь в виде кольца с пятью отростками с одной стороны найдена в могильнике Барсовский VII (рис. 2-15).

7. Подпрямоугольная пластина (бляха) с закругленными углами, выступом сверху и намеченными «ушками» с боков. На ее плоскости тонкими рельефными валиками изображены друг над другом два животных головами вправо (рис. 5-6). Их туловища пересекают сверху вниз несколько аналогичных валиков. У верхнего животного показан короткий хвост, возможно, отсутствуют уши (в этом месте изделие покрыто толстым слоем окиси). У нижнего животного хвоста нет, но есть ухо в виде короткого вертикального отрезка; морда его выполнена двумя несомкнутыми линиями, что также отличает его от верхнего зверя. Силуэты животных напоминают северных оленей. Близкое по стилю изображение лося или оленя на круглой бляхе происходит с культового места на горе Кулайка²⁵. Похожие рисунки встречаются и на прибрежных скалах Урала (см., например, писаницы на Ирбитском Писаном Камне, на скале Зенковской на р. Тагиле и др.)²⁶.

Данный подтип отличается от предыдущих тем, что контур изделия не соответствует зооморфному изображению, а фигуры животных выполнены на нем (отлиты) высоким рельефом (аналогично бляхе с изображением лося с Кулайского культового места).

III. Орнитоморфные изображения.

Представляют собой разновидность зооморфных сюжетов. Выделены в отдельный тип из-за многочисленности и разнообразия сюжетов. Известны одноголовые и трехголовые изображения с одновидовыми и разновидовыми, плоскими и рельефными головами, с петельками на обратной стороне и без них. Я. А. Яковлев посвятил специальную работу классификации орнитоморфной металлопластики Приобья, выделив в ней две большие категории: статичные и динамичные сюжеты, разделив их на группы и варианты²⁷. Эти кате-

гории соотносятся с двумя иконографическими типами, выделенными среди птицевидных фигурок Н. В. Федоровой и А. П. Зыковым²⁸. Статичные, или профильные, сюжеты не характерны для раннего железного века. Все найденные на Барсовой горе артефакты этого времени представляют собой птицевидные изображения в фас. Основанием для выделения подтипов в предлагаемой систематизации послужило количество голов на изделиях: подтип 1 – с одной головой, подтип 2 – с тремя головами.

1. Одноголовые простые фигурки с опущенными и чуть расставленными крыльями. Различаются уровнем стилизации головы, показа оперения на крыльях и хвосте, наличием дополнительных деталей. Можно условно наметить несколько видов изображений внутри данного подтипа:

А) Дневные хищные птицы. Самое раннее изделие из белоярского жилища (объект 161) селища Барсова гора III/49 отличается головой, выполненной в низком рельефе, отсутствием оперения и наличием горизонтальных полосок на тулове (рис. 1–2/1). Остальные предметы происходят с кулайских памятников (рис. 2–7; 6–1, 2, 4). На крыльях и хвостах всех фигурок показано оперение либо в виде небольших отростков, либо в виде прямых полос, либо кантами из треугольников и поперечными насечками. Одно изображение ажурное, на голове его сохранился литник (рис. 6–2, из погребения 2 Барсовского III могильника). На двух фигурках с условной передачей головы сбоку отлиты две спаренные лапы (рис. 2–7; 6–5), причем изделие, происходящее с городища Барсов городок III/6, отличается также величиной, характером показа оперения и наличием личины на груди. На фигурке с городища Барсов городок I/8 на груди рельефными валиками изображен крест (рис. 6–1). Все эти признаки позволяют выделить подвиды без дополнительных образов (а) и с личиной (б), а внутри подвидов — разнообразные варианты.

Б) Сова (рис. 6–4). Образ отличается передачей оперения и наличием гравировок (личи) по бокам, у крыльев. Еще одна схематичная личина изображена тремя круглыми углублениями (глаза и рот) на груди. На обратной стороне отлита петелька²⁹.

2. В подтипе трехголовых фигурок, где 2 крайние головы расположены на крыльях, выделены 2 вида:

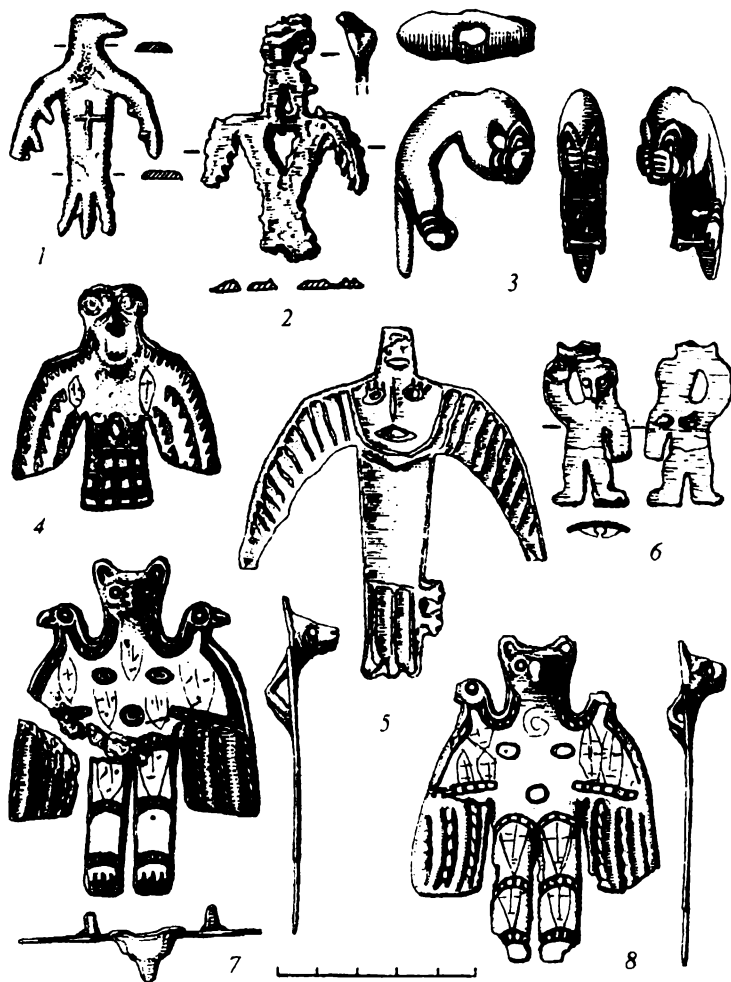

Рис. 6. Культовое литье с памятников кулайской культуры: 1 – городище Барсов городок I/8; 2–3, 6–7 – могильник Барсовский III; 4 – клад на городище Барсов городок I/20; 5 – городище Барсов городок III/6; 8 – городище Барсов городок I/20

А) Простые плоские изображения с одновидовыми головами. Различаются 2 подвида:

а) с острыми крыльями, без передачи оперения. Все головы повернуты вправо, рельефом не выделяются (рис. 2–6);

б) с острыми крыльями, с передачей оперения в виде рубчатого канта по периметру крыльев и хвоста. Все головы рельефные, смотрят прямо (рис. 4–3). Не исключено, что это совы. На обратной стороне изделия отлита петелька.

Б) Плоские изображения с разновидными головами. На Барсовой горе найден только один подвида – с центральной рельефной медвежьей головой; на плечах – птичьи головы, направленные в разные стороны (рис. 6–7, 8). Крылья тупые, вместо хвоста – пара прямых лап (поэтому фигуры с не меньшим основанием можно интерпретировать и как крылатых медведей)³⁰. На груди тремя небольшими овалами (глаза, рот) передана личина. Тело, лапы и крылья фигур покрыты гравировками (рис. 6–7, 8). На обратной стороне крыльев по два ушка. Оба предмета явно отлиты по одной модели, хотя и происходят с разных памятников (городища и могильника), удаленных друг от друга на 1,7 км. Близкая вещь входит в состав Истяцкого клада. Это антропоморфно-орнитоморфная фигурка с центральной птичьей и боковыми человеческими головами. Под последними на крыльях были рельефно отлиты антропоморфные туловища³¹.

Обломок крупной, видимо, трехголовой птицевидной фигуры невозможно отнести к определенному виду из-за отсутствия центральной головы (рис. 1–22). Рельефные ноги поделки выделены желобками. Другой желобок проходил под головами и спускался вдоль внешней стороны крыла. Сохранившаяся правая боковая голова принадлежит хищной птице. Вещь была найдена между постройками на поселении раннего этапа белоярской культуры³², однако, судя по технике отливки и тщательной обработке поверхности, должна датироваться позднекулайским или даже раннесредневековым временем.

IV. Антропоморфные изображения.

Вторые по численности находок. На уровне подтипов выделяются личины и полные фигуры, внутри них деление на виды и

подвиды обусловлено степенью схематизма изображений, наличием дополнительных деталей.

1. Простые личины. Различаются формой головы (конические, или остроголовые, округлые и усеченные, или плоскоголовые), наличием головного убора, дополнительных голов животных. Кроме двух, все найдены на кулайских памятниках:

А) Личины с усеченным верхом (плоскоголовые):

а) наиболее ранняя имеет подтреугольную вытянутую форму и увенчана головным убором (?) с двумя разветвленными отростками (или головами животных). Нос изображен вертикальной выпуклой линией, глаза и рот – двумя короткими горизонтальными рельефными отрезками (рис. 1–1). Возможно, под глазами обозначена еще татуировка (?). Личина напоминает древовидные изображения. Она происходит с белоярского селища Барсова гора III/19;

б) личины без дополнительных образов (рис. 4–8, 9; 5–11, 12). Различаются варианты по отсутствию или наличию рта, круглым или прямоугольным глазам и рту, выполненным двумя горизонтальными рельефными линиями или рельефным замкнутым (округлым или прямоугольным) контуром, прямому или зубчатому (рис. 4–9; 5–12) верху, а также наличию бокового ответвления с отростками (рис. 4–9). Одну личину можно назвать ажурной (рис. 4–8). Все происходят с кулайских памятников.

Б) Круглоголовые личины. Подвиды намечены, исходя из их количества на одном изделии:

а) одинарная личина (рис. 1–23). Брови и нос выполнены рельефными валиками в виде Т-образной фигуры (иногда в таком изображении усматривают шлем), рот – также в виде рельефного валика. Глаза переданы рельефным кольцом. Уши были сделаны в виде петелек (правая сломана). На шее сохранились остатки литника, т. е. заливка в форму происходила снизу. Изделие найдено в жилище белоярской культуры селища Барсова гора IV/10;

б) двойные вытянутые личины с боковыми отростками в области шеи (у левой личины отросток сломан или отсутствует, рис. 2–17). В погребении 6 Барсовского VII могильника они лежали на деревянной основе (плашке), сверху их перекрывала бронзовая пластинка в виде двух соединенных полушарий с кон-

центрическим орнаментом внутри. Между личинами и пластинкой сохранился кусочек меха.

В) Остроголовые личины (рис. 2–14–16; 5–7, 10). Все увенчаны зооморфными головками, повернутыми в профиль, от «шеи» отходят короткие прямые отростки, а у одного изделия боковые отростки отлиты в виде зооморфных или древовидных фигурок (рис. 2–14). Возможно, обломок такой же боковой фигурки был найден вместе с личинами в погребении 6 Барсовского VII могильника (рис. 2–12). Носы у всех личин обозначены рельефным вертикальным отрезком, глаза и рот – рельефным замкнутым ромбическим или прямоугольным контуром, рельефными горизонтальными отрезками или точками (жемчужинами).

Г) Личина, увенчанная трехрогим головным убором (?; рис. 2–13), напоминает конические. Детали лица обозначены одинарными рельефными отрезками (валиками). От «шеи» отходят в стороны короткие прямые отростки.

2. Полные фигуры различаются по степени реализма и по передаче тулова. К этому подтипу отнесены и изображения с условным «туловом», без обозначения конечностей:

А) Фигурки с непропорциональным туловом. Наиболее ранней, видимо, является ажурная фигурка, случайно найденная на площадке белоярского селища Барсова гора IV/10 (рис. 1–24). Она имеет трапезиевидную личину, ничем не отделенную от укороченного тулова, заканчивающегося двумя прямыми ногами. На ее голове убор в виде полукольца с четырьмя отростками-лучами (солярный символ?), еще по два коротких отростка расположены по обе стороны лица. Нос и брови (или основание головного убора) выражены Т-образно расположенными тонкими валиками, глаза и рот – рельефными кольцами. На коротких руках, под прямым углом отходящих от тулова, три (на правой) и два (на левой) «пальца». Взаимно перпендикулярные (Т-образные) брови и нос сближают фигурку с личиной, найденной в белоярском жилище на этом же памятнике (рис. 1–22). Но я не исключаю, что фигурка может датироваться более поздним временем: на селище обнаружена и кулайская керамика.

Б) Фигурки с пропорциональным туловом. Выделены два подвида:

а) фигурка с чуть наклонной головой (рис. 6–6). Ноги отлиты носками наружу, одна рука опущена, другая поднята и касается головы. На обратной стороне изделия – остатки петельки. Найдена в Барсовском III могильнике³³. Стилистически напоминает изображение медведя с р. Чая в Томской области, но несколько отличается от него позой – у медведя подняты обе лапы³⁴;

б) самой реалистичной является женская (?) фигурка с кулайского святилища на городище Барсов городок I/9 (рис. 4–5). Ее голова с округлым подбородком отделена от тулова треугольным в сечении желобком. Прямой рельефный нос переходит в лоб, отделенный от остального лица уступом и обрамленный изогнутым под прямым углом тонким валиком. Руки, опущенные вдоль тулова, чуть сходятся внизу, у вульвы (?). Можно отметить типичную для подобных изделий трехпалость. На груди углубленным рельефом в виде треугольника с черенком изображена «линия жизни». Суставы на руках и ногах обозначены тонкими поперечными желобками (на ногах – двойными). Кроме того, на бедрах есть еще по два косых желобка (их воображаемые продолжения пересекаются под прямым углом).

Есть также мнение, что фигурка изображает «богатыря» в шлеме с наносником. Возможно, что желобками на суставах переданы доспехи. Однако в этом случае трудно интерпретировать «сердцевидный предмет» в нижней части тулова. На голове заметны остатки литника, т. е. в форму металл заливался сверху. Отмечу тщательность обработки фигурки, сейчас покрытой благородной патиной³⁵. По трактовке (иконографии) образа она напоминает полуую фигурку человека с городища Усть-Полуй³⁶. Близкая моделировка лица и иконография в целом характерны для более поздних антропоморфных изображений кучиминского этапа Обь-Иртышской культурно-исторической общности (VIII – IX вв. н.э.), но у средневековых фигурок вывернутые внутрь ступни смыкаются, образуя своеобразную рамку³⁷.

В) Еще 4 фигурки имеют условное «тулово». Все они происходят с кулайских памятников и относятся к разным подвидам:

а) сломанная пополам остроголовая фигурка в подтреугольном головном уборе или шлеме (рис. 2–1). Глаза, нос и рот обозначены тонкими короткими валиками (глаза и нос образуют по-

хожую на Т фигуру). Шея не выделена, от нее отходят два коротких широких выступа (руки?). На туловище нанесена выпуклым рельефом ромбическая сетка. Ноги отсутствуют. Фигурка найдена в погребении 1 Барсовского VII могильника, где она лежала на деревянной плашке и была покрыта кусочком меха;

б) две ажурные фигурки с ромбическими головами и туловом разных вариантов найдены на городище Барсов городок I/22. На обеих глаза и рот обозначены выпуклыми точками, нос – тонким вертикальным валиком. У маленького антропоморфа на голове – два расходящихся выступа, еще два коротких выступа-«руки» отходят от «тулова» вверх. «Тулово» передано контурной ромбической фигурой (рис. 5–13). У большого антропоморфа недоотлитое «тулово» в виде неправильного контурного ромба заполнено дугообразными «ребрами», короткие выступы-«руки» направлены вниз (рис. 5–14). Обе фигурки заливались в форму снизу;

в) ажурная фигурка с вытянутой трапециевидной, несколько расширяющейся кверху личиной и «туловом» в виде контурной рамки (рис. 4–4). Нос личины передан тонким длинным вертикальным валиком, глаза и рот – короткими горизонтальными (причем рот – двойным). Личина как бы наложена на удлинненную рамку с выступами, направленными внутрь и наружу. Посередине рамки проходит зигзагообразная рельефная линия с отростками, вписанными в боковые выступы рамки. Этот зигзаг я интерпретирую как растительный орнамент. Изделие найдено на святилище на городище Барсов городок I/9.

Следующая серия (категория) предметов представлена украшениями костюма с антропо- и зооморфными изображениями: накладками, застежками, пронизками. По технике изготовления можно выделить две группы вещей – плоские, но с рельефной лицевой поверхностью и объемные, при литье которых применялись сердечники. Возможно, к этой же категории украшений следует отнести и ряд описанных выше изделий с ушками (петельками) на оборотной стороне. Они могли служить своеобразными бляхами, нашивавшимися на костюм. Как уже отмечалось, целесообразно рассмотреть типологию изображений на каждом классе украшений отдельно.

Накладки (поясные?) представлены изделиями в виде прямоугольных рамок с ушками-петельками на оборотной стороне и без них и шестиугольной накладкой с отверстиями на противоположных концах. Существуют накладки с зооморфными (тип I) и антропоморфными (тип II) изображениями.

На Барсовой горе найдено несколько прямоугольных ажурных плакеток-накладок с антропо- и зооморфными фигурами внутри. Одна из них происходит из погребения 6 Барсовского VII могильника, остальные – из кулайского клада на городище Барсов городок I/20*.

1. Накладки с зооморфными сюжетами.

1. Две одинаковых ажурных плакетки с изображением животных. «В гладкой прямоугольной рамке, разделенной на четыре части кантом из перлов, крест-накрест – четыре фигурки копытных животных. Вдоль позвоночника трех из них – кант из перлов, глаза переданы кольцевидными углублениями, уши – треугольными. Копыта выделены двумя параллельными насечками». «Пластина выполнена отливкой в плоской односторонней форме, наружная сторона полирована, внутренняя не обработана»³⁸.

2. Накладка в виде шестиугольной фигуры с закругленными углами (рис. 4–6). С узких сторон ее сделано по одному сквозному отверстию. По периметру ее обрамляет кант с насечками. В широкой подквадратной части – рамка с изображениями двух голов медведей «в жертвенной позе», уложенных между лап (мордами друг к другу). С внешней стороны рамки, за головами, расположены в ряд по 3 жемчужины (бугорка). Узкая, вытянуто-трапецевидная часть имитирует 5 жгутов. Крайние образует отмеченный выше кант с поперечной косой штриховкой. К ним примыкают 2 «жгута» с аналогичной, но разреженной штриховкой. Центральный «жгут» без орнамента. По классификации Н. В. Федоровой³⁹, сюжет можно отнести к иконографическому типу 5 (ИТ–5, медведь-жертва), однако оригинального варианта (ИБ–9 – ? – с головами, направленными друг к другу).

---

* Предварительное сообщение Г. В. Бельтиковой о кладах на городище Барсов городок I/20 подготовлено к печати.

Вероятно, первоначально изделие представляло собой поясную застежку, но после того, как узкий конец (с крючком?) был отломан, из нее сделали накладку.

II. Накладки с антропоморфными сюжетами.

1. Накладка в виде подпрямоугольной рамки с двумя (?) стоящими фронтально антропоморфными фигурами (рис. 4-1). Головы округлые, руки согнуты в локтях и упираются в бока, ступни ног повернуты вправо. Правая часть рамки с одной фигурой и двумя ушками на оборотной стороне сохранилась полностью, от левой остались личина с ушком и фрагмент рамки⁴⁰. Рамка украшена косыми насечками, имитирующими жгут. Все три части накладки найдены в погребении 6. Близкая плакетка, датированная рубежом эр, найдена в Прыговском 2 могильнике⁴¹. Вероятно, центральная часть аналогичного изделия (без рамки) была обнаружена на Гляденовском костыше⁴².

У 25 однотипных плакеток из клада ушки на оборотной стороне отсутствуют. «В прямоугольной рамке, украшенной перлами, размещены две стоящие рядом фронтальные фигуры людей. Детали выполнены нечетко, по-видимому, на головах изображен какой-то убор (шлем – ?), из-под которого свисают две косы. Руки сложены на животе, ноги широко расставлены. Лицевая поверхность слегка полирована, оборотная не обрабатывалась»⁴³.

Поясные застежки – все оригинальных форм, цельнолитые. Относятся к типу I – с зооморфными изображениями, но различаются сюжетами.

I.1. Эполетообразная застежка с четырьмя жгутами (рис. 4-10). Задняя бляха круглая, украшена по периметру 24 полушариями и 2 жгутовидными валиками. В центре ее – конусовидное возвышение, окруженное рельефными изображениями 6 полуфигур медведей «в жертвенной позе» (ИТ-5, ИВ-5, по Н. В. Федоровой⁴⁴). На обратной стороне бляхи – литое продолжение жгутов, имитирующее припаянные жгуты подобных застежек из Прикамья; к бляхе припаяна петля⁴⁵. Передняя бляха, заканчивающаяся крючком, имеет «ушки».

I.2. Бракованная эполетообразная застежка в виде круглой бляхи с 3 жгутами и отломанным крючком (рис. 4-7). Бляха ажурная, в форме кольца с крестовиной внутри. Кольцо украшено 24 выпуклыми полушариями. На двух противолежащих кон-

цах крестовины отлиты полуфигуры животных, головы уложены между лап, мордами друг к другу, в позе, типичной для изображений медведя. Однако здесь скорее всего отображены ящерицы (лягушки) или какие-то мелкие зверьки (из семейства кунных ?). В целом иконография застежки аналогична иконографии накладки с изображениями медведей из этого же святилища (см. рис. 4–6).

I.3. Застежка, щиток которой «оформлен в виде полуфигуры медведя, орнаментирован жгутовидным кантом. Приемник – в виде головы лося, орнаментирован кантом из перлов. На щитке – отверстие для прикрепления, приемник кончается крючком»⁴⁶. Найдена в составе клада на городище Барсов городок I/20.

К типу I.4 можно было бы отнести застежку, переделанную в накладку (типа I.2, см. выше), найденную на святилище на городище Барсов городок I/9.

Аналогов застежке типа I.2 нет. Застежки типа I.1. найдены на городище-святилище Усть-Полуй (для которого есть дендро-хронологическая дата – осень–зима 49–48 гг. до н. э.)⁴⁷ и в погребении 4 могильника у Архиерейской заимки (VIII⁴⁸, VI–VIII⁴⁹ или конец VII–VIII⁵⁰ вв.). Застежки с 3–4 жгутами в Прикамье датируются концом II в. до н. э. – I в. н. э.⁵¹ Застежку с городища Барсов городок I/20 Н. В. Федорова и А. П. Зыков датируют I–IV вв. н. э.⁵² Близкая по сюжету и композиции застежка найдена в Кобанском могильнике (середина I тыс. до н. э.)⁵³, более отдаленные – в Усть-Абинском (фоминский этап, III–IV вв.)⁵⁴.

Пронизки. Все известные на Барсовой горе изделия найдены на поздних кулайских памятниках и характеризуются зооморфными сюжетами (тип I).

I.1. Зооморфная пронизка в виде «фигурки пушного зверя, стоящего на задних лапах, а передними закрывающего глаза. На спине – отверстие для подвешивания»⁵⁵. Скорее всего на пронизке изображен зверек из семейства кунных (рис. 6–3).

I.2. Две зооморфные пронизки, «выполнены в виде отлитой в двусторонней форме с сердечником фигурки пушного зверя. На спине – отверстие для подвешивания, лапы соединены перемычками. Поверхность полирована. Вдоль спины – орнамент-зигзаг,

вдоль хвоста – имитация жгута»⁵⁶. На этих пронизках, вероятно, также изображен зверек из семейства куных.

1.3. Две зооморфных пронизки, «выполнены в виде отлитой в двусторонней форме с сердечником фигурки стоящего медведя. На спине отверстие для подвешивания, лапы соединены перемычками. Поверхность полирована»⁵⁷. По мнению авторов, пронизки сделаны в Прикамье в I – III вв. н. э. Согласно классификации иконографии образа медведя, предложенной Н. В. Федоровой⁵⁸, данное изображение относится к ИТ-1, ИВ-2 (фигура медведя в профиль, стоящая на основании).

Обзор находок художественной металлопластики эпохи раннего железа, сделанных только на Барсовой горе, показывает, что в Сургутском Приобье традиции использования бронзовых поделок как в культовых целях, так и в быту (в том числе для украшения костюма) были распространены так же широко, как и в других районах урало-сибирской тайги. Пять подобных изделий найдено на поселении Амтуньох 3⁵⁹. Три личины происходят с памятников из урочища Сайгатино. Культовое литье известно на городище Ермаково VI, селище Сырой Аган VI. Более 15 фигурок собрано В. А. Арефьевым и О. В. Кардашем на разрушенном культовом (?) месте на Соровских озерах*. Особенностью находок из Сургутского Приобья является то, что абсолютное большинство изделий происходит из раскопок, выполненных профессионально, т. е. найденных в культурном слое, *in situ*. На Барсовой горе 10 предметов обнаружено на кулайском святилище, 22 фигурки найдены в погребениях, свыше 30 – в кладе (?) на кулайском городище и 30 – в жилищах белоярской и кулайской культур (на 8 городищах и 12 селищах). Даже в сборах из культурного слоя разрушенных памятников присутствуют артефакты, в том числе керамика, позволяющие датировать находки и интерпретировать объекты. Это создает уникальную возможность проследить эволюцию образов и технологии, изменения в сфере применения изделий художественной металлопластики.

---

* Устное сообщение О. В. Кардаша и К. Г. Карачарова.

Как уже отмечалось, наиболее ранние поделки, относимые к культовому литью, происходят с белоярских памятников Барсовой горы (VIII–VII – IV вв. до н. э.). Они найдены в жилищах на 6 селищах и 2 городищах. Еще 2 изделия обнаружены на площадках белоярских поселений, но связь их с памятниками проблематична. Интересен объект 161 (наземное жилище) селища Барсова гора III/49. В нем найдено 7 бронзовых фигурок (рис. 1–9, 11–13, 15–16, 21). Часть из них залегала под дерном. Возможно, эта постройка предназначалась служителю культа (шаману?). Но не исключено, что изделия были оставлены на этом месте во время какого-то обряда уже после того, как жилище покинули (забросили). Среди 17 белоярских поделок 2 отнесены к древовидным изображениям (тип I, подтипы 2, 5), 12 – к зооморфным (тип II), представленным различными видами подтипов 1 и 6, 1 – к орнитоморфным (тип III, вид 1А), и 2 – к антропоморфным (тип IV, личины подвидов 1Аа и 1Ба). Не исключено, что и целая антропоморфная фигурка с селища Барсова гора IV/10 (вид 2А) также датируется белоярским временем. Таким образом, в белоярское время налицо преобладание простых зооморфных фигурок, стилизованных настолько, что определять их видовую принадлежность среди представителей реальной фауны (да и их ли отливали древние мастера?) представляется бессмысленным. Не являются исключением и поделки, изображающие «змей»: ряд исследователей видит в них солярную символику. Согласно типологии, предложенной Я. А. Яковлевым⁶⁰, их можно отнести к подгруппе Г группы 1 типа I – изображения пресмыкающегося. По крайней мере, одна из поделок (рис. 1–11) напоминает фигурку змееподобного существа, найденного на р. Парабель⁶¹, и похожего существа с Саровского культового места⁶². Другая фигурка (рис. 1–12) близка неопубликованным змеевидным (спиралевидным) изделиям с кулайского культового (?) места на Соровских озерах. Некоторые ассоциации с ней вызывает семиголовая змея из селькупской мифологии.

Семь вещей из белоярской коллекции сделаны в технике плоского безрельефного литья, столько же – в технике плоского рельефного литья, остальные – плоские с минимальными элемен-

тами рельефа. Три фигурки с некоторой долей условности можно отнести к ажурным (рис. 1–11, 13, 16).

С кулайской культурой я связываю 51 культовую поделку и 36 украшений (в числе последних три образа в прямоугольных рамках, представленные 28 изделиями). Они обнаружены на пяти селищах, шести городищах, в двух могильниках и одиночном погребении на городище Барсов городок I/20, в кладе на этом же городище и на святилище Барсов городок I/9. Наиболее многочисленны антропоморфные изображения. Среди них 13 личин (подвиды 1Аб, 1Бб, 1В, 1Г), 6 фигурок (подвиды 2Ба, 2Бб, 2Ва, 2Вб и 2Вв) и 2 парных образа (26 экз.) в прямоугольных рамках (подтип 1). Следует упомянуть еще антропоморфное изображение в «геральдической» композиции с куньими или хтоническими животными (рис. 5–4) и личины с двух концов фигурки фантастического существа (рис. 5–8). Есть личины и на груди ряда орнитоморфных фигурок. Они выполнены в технике высокого рельефа (рис. 6–5), тонкими желобками (рис. 6–7, 8), а также гравировками (рис. 6–4, 7, 8).

Зооморфные изображения представлены 14 экз. всех подтипов и 10 украшениями. Ряд личин венчают головы животных, которые входят в состав сложных образов. Преобладают более крупные и менее стилизованные, чем на предыдущем этапе, фигурки. Доминирует образ медведя. Он присутствует в культовом литье (различные подвиды вида А и вид Б) и в украшениях, в простых образах и сложных (антропо- зоо -орнитоморфных). Менее представительны куньи (или хтонические существа?) и оленеподобные животные. Присутствуют среди находок на Барсовой горе и изображения змей, причем не только самостоятельные, но и в составе сложных образов (см. орнитоморфную фигурку с медвежьей головой, на груди которой наряду с личинами выгравирована спиралевидная линия – змея (?) – рис. 6–8). Достаточно разнообразны орнитоморфные изделия. Как уже отмечалось, среди них есть одноголовые и трехголовые изображения с одновидовыми и разновидовыми, плоскими и рельефными головами, усложненные зооморфными и антропоморфными образами. Часть из них снабжена петельками на обратной стороне, т.е. могла использоваться в качестве привесок. Несколько поделок

кулайского времени отнесены к разным подтипам условно древо-видных изображений.

Сравнивая кулайские изделия с белоярскими, отмечу смещение акцента с зооморфных на антропоморфные изображения, большую реалистичность и усложненность образов первых. В кулайское время появляются и украшения с антропо- и зооморфными (в том числе орнитоморфными) сюжетами, на обратной стороне некоторых из них есть ушки (петельки). Преобладают изделия, выполненные в технике плоского рельефного литья. Вещи, сделанные вообще без элементов рельефа, редки. Большинство фигурок сплошные, лишь около 10 (1/5 часть) относится к ажурным. Украшения нередко сделаны по более сложным технологиям – они отличаются высоким рельефом, часть изготовлена в двусторонних формах с применением сердечников. Среди них встречаются вещи, свидетельствующие о приуральском (прикамском) влиянии и даже импорте, т.е. о западном направлении связей. Это эполетообразные застёжки, полые подвески. Усиление западных контактов, судя по имеющимся датировкам, падает на позднекулайское время (рубеж эр – первая треть I тыс. н. э.)⁶³. В то же время немногочисленные анализы металла указывают на южные и юго-восточные связи⁶⁴.

Сравнение бронзовой художественной пластики из Сургутского Приобья в целом и с Барсовой горы, в частности, с металлопластикой других территорий кулайской общности показывает ее своеобразие. В отличие от Нарымского Приобья здесь незначительна доля ажурного литья, высок процент антропоморфных образов, размеры фигурок отличаются большей миниатюрностью. В Нижнем Приобье, где также преобладает сплошное литье, многие изображения имеют иную иконографию⁶⁵. В то же время это своеобразие вполне укладывается в рамки образов, распространенных в урало-сибирской тайге, что позволяет говорить о едином транскультурном феномене.

Концентрация культового литья в нескольких кулайских погребениях и его полное отсутствие в большинстве могил подтверждает гипотезу о выделении лиц, специализирующихся на религиозной практике (шаманов). Еще более ранним свидетельством этого, возможно, является находка комплекса вещей в объ-

екте 161 (селище Барсова гора III/49) белоярской культуры. Однако не следует трактовать подобным образом любую находку такого рода: практика показывает, что культовые предметы могли находиться в любом жилище.

Рамки настоящей статьи не позволяют развернуть ряд положений, высказанных тезисно. Но, я думаю, публикуемые материалы подтверждают точку зрения о существовании локального варианта кулайской культуры в Сургутском Приобье, имевшего корни в местных культурах предшествующего времени. Соглашаясь с Н. В. Федоровой о существовании в эпоху железа в лесной зоне Западно-Сибирской равнины обь-иртышской культурно-исторической общности (ОИ КИО), я считаю необоснованным ее мнение о неделимости этой общности на региональные культуры⁶⁶. Материалы Сургутского Приобья, как и других территорий, демонстрируют не только общность культуры, но и ее региональную специфику. Более того, я полагаю, что целесообразно начинать ОИ КИО с карымских древностей, не включая в последнюю генетически предшествующие ей памятники кулайской КИО. Иначе с таким же основанием начальный этап ОИ КИО можно отнести к эпохе бронзы. Сейчас уже не вызывает сомнений, что в основе кулайской общности лежала культурно-историческая общность керамики с гребенчато-ямочным орнаментом эпохи бронзы, ареал которой во многом совпадает с ареалом ОИ КИО. Культуры начала железного века (белоярско-васюганского этапа, предшествовавшего кулайскому), непосредственно связанные с «общностью гребенчато-ямочной керамики», демонстрируют перестройку экономики, культуры и, видимо, общества в целом на переходе от эпохи бронзы к железному веку. С этим согласны авторы «Угорского наследия», анализируя бронзовую пластику: «Переходное время от бронзового к железному веку, затянувшееся в лесной полосе Западной Сибири почти до рубежа эр и выразившееся в общей нестабильности культуры, локальности отдельных элементов, отразилось в бронзовой художественной пластике – только к концу его происходит создание первой общерегиональной концепции»⁶⁷.

Среди проблем, связанных с изучением металлопластики раннего железного века, – неразработанность хронологии бело-

ярско-васюганского этапа, отсутствие надежных дат, широкие рамки бытования привлекаемых для датировки вещей, разные представления о начальном этапе кулайской культуры (в частности, о ее нижней дате). Это отразилось и на цельности заслуживающей внимания концепции трех общерегиональных (общезападносибирских) стилей бронзовой художественной пластики, предложенной Н. В. Федоровой: в разных изданиях не совпадают их характеристики и хронологические рамки бытования⁶⁸.

¹ Балакин Ю. В. Урало-сибирское культовое литье в мифе и ритуале. Новосибирск. 1998.

² Там же.

³ Зыков А. П., Кокшаров С. Ф., Терехова Л. М., Федорова Н. В. Угорское наследие: (Древности Западной Сибири из собрания Уральского университета). Екатеринбург, 1994. С. 35–41; Зыков А. П., Федорова Н. В. Холмогорский клад: коллекция древностей III–IV вв. из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург, 2001. С. 34–47.

⁴ Балакин Ю. В. Урало-сибирское культовое литье... С. 5.

⁵ Чернецов В. Н. Бронза усть-полуйского времени // МИА. 1953. № 35; Он же. Усть-полуйское время в Приобье // МИА. 1953. № 35.

⁶ См., напр.: Могильников В. А. Этнокультурная история Западной Сибири в средние века: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук / АН СССР. М., 1990. С. 10–12; Косарев М. Ф. Из древней истории Западной Сибири. Общая историко-культурная концепция // Российский этнограф. М., 1993. № 4. С. 157–163, 168–173.

⁷ Чемякин Ю. П. Проблемы археологии раннего железного века в Сургутском Приобье // Проблемы археологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. Барнаул, 1991. С. 127; Он же. Развитие общности с гребенчато-ямочной орнаментальной традицией в западносибирской тайге // XIII Уральское археологическое совещание: Тез. докл. Уфа, 1996. Ч. 1. С. 68–69; Он же. К вопросу о миграциях населения кулайской культуры // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Зап.-Сиб. Археол.-этногр. конф. Томск, 2001.

⁸ Федорова Н. В., Чижова Л. В. Терминологический словарь для описания бронзовой художественной пластики // Проблемы художественного литья Сибири и Урала эпохи железа: Тез. докл. обл. науч.-практ. конф. Омск, 1990.

⁹ Елькина М. В. Поселения раннего железного века в Сургутском Приобье // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977. Рис. 7–6; Зыков А. П., Кокшаров С. Ф., Терехова Л. М., Федорова Н. В. Угорское наследие: (Древности Западной Сибири из собрания Уральского университета). Екатеринбург, 1994. С. 79–81, 131, 132. № 50, 52–57; Древний город

на Оби: история Сургута. Екатеринбург, 1994. С. 43, 49, 53–56; *Челякин Ю. П., Шатунов Н. В.* Барсова гора. Вчера. Сегодня. Завтра: (Буклет к 110-летию раскопок Ф. Мартина на Барсовой горе, 30-летию исследований Уральской археологической экспедиции, 10-летию центра «Барсова гора»). Екатеринбург, 2001.

¹⁰ *Челякин Ю. П.* К вопросу о белоярско-васюганском этапе в раннем железном веке таежного Обь-Иртышья // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург, 1993.

¹¹ *Косарев М. Ф.* Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974. С. 133–136.

¹² *Чиждова Л. В.* Идеология древнего населения Урала и Западной Сибири (по материалам культового литья): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983. С. 10–12.

¹³ *Чиндина Л. А.* Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск, 1984. С. 39–44, 72–76.

¹⁴ *Fedorova N. V.* The bear shape in the art of West Siberia (the iron age) // Specimina Sibirica. Savariae, 1994; *Она же.* Иконография медведя в бронзовой пластике Западной Сибири (железный век) // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск, 2000.

¹⁵ *Яковлев Я. А.* Иллюстрации к ненаписанным книгам: Саровское культовое место. Томск, 2001. С. 158–161.

¹⁶ *Чиндина Л. А.* Древняя история... С. 140.

¹⁷ *Терехин С. А.* Экспериментальные работы в области цветной металлообработки кулайцев // Археологические исследования в Среднем Приобье. Томск, 1993. С. 33.

¹⁸ *Дураков И. А., Троицкая Т. Н.* О характере литья кулайских культовых изделий // Проблемы художественного литья Сибири и Урала эпохи железа: Тез. докл. обл. науч.-практ. конф. Омск, 1990. С. 18.

¹⁹ *Кузьминых С. В., Челякин Ю. П.* Об источниках цветного металла в древних культурах Сургутского Приобья // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. Теория, методология, практика: Материалы XI Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. Томск, 1998.

²⁰ *Челякин Ю. П., Степанова Г. А.* Новый стратифицированный памятник раннего железного века на Барсовой горе // Сургут, Сибирь, Россия: Междунар. науч.-практ. конф., посв. 400-летию г. Сургута: Тез. докл. Екатеринбург, 1994. Рис. 1.

²¹ *Петрин В. Т.* Об одном образе в представлениях древних обитателей Урала // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск, 1987.

²² *Берс Е. М.* Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей // МИА. 1951. № 21. С. 204. Рис. 1–1.

²³ *Федорова Н. В.* Иконография медведя ... С. 37.

²⁴ *Полосьмак Н. В., Шумакова Е. В.* Очерки семантики кулайского искусства. Новосибирск, 1991. С. 32. Рис. 17–2.

²⁵ *Чиндина Л. А.* Древняя история... Рис. 15–9.

²⁶ *Чернецов В. Н.* Наскальные изображения Урала // САИ. В4–12. М., 1964. Табл. XXII–2; *Он же.* Наскальные изображения Урала // САИ. В4–12 (2). М., 1971. Табл. II–6.

²⁷ Яковлев Я. А. К проблеме классификации и семантики орнитоморфных изображений с раскрытыми крыльями эпохи железа из Приобья // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири. Томск, 1996. С. 178–183. Табл. 1.

²⁸ Зыков А. П., Федорова Н. В. Холмогорский клад... С. 41–42.

²⁹ Зыков А. П. и др. Угорское наследие... С. 132; Казанцева Т. Г., Чемякин Ю. П. Гравировки на металлических изделиях эпохи раннего железа Приуралья и Западной Сибири // 120 лет археологии восточного склона Урала: Первые чтения памяти В. Ф. Генинга. Ч. 1. Из истории уральской археологии. Духовная культура Урала. Екатеринбург, 1999.

³⁰ Федорова Н. В. Иконография медведя... С. 38, 39; Зыков А. П., Федорова Н. В. Холмогорский клад... С. 43–44.

³¹ Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала... 1971. Рис. 52–5.

³² Чемякин Ю. П., Кокишаров С. Ф. Поселение начала I тысячелетия до н. э. на Барсовой горе // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984.

³³ Борзунов В. А., Зыков А. П. Кулайский Барсовский III могильник (В печати).

³⁴ Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. Рис. 80–5.

³⁵ Древний город на Оби... Фото на с. 43.

³⁶ Чернецов В. Н. Бронза... С. 141. Табл. VI–4.

³⁷ Зыков А. П. и др. Угорское наследие... С. 132–133. № 62, 63.

³⁸ Там же. С. 132. № 55.

³⁹ Федорова Н. В. Иконография медведя... С. 39.

⁴⁰ Чемякин Ю. П., Шатунов Н. В. Барсова гора... Фото на с. 10, 14.

⁴¹ Шаропова С. В. Бронзовая антропоморфная плакетка из Прыговского 2 могильника // Сургут, Сибирь, Россия: Междунар. науч.-практ. конф., посв. 400-летию г. Сургута: Тез. докл. Екатеринбург, 1994.

⁴² Спицын А. А. Шаманские изображения // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского Археологического Общества. СПб., 1906. Т. 8, вып. 1. С. 90. Рис. 68.

⁴³ Зыков А. П. и др. Угорское наследие... С. 131. № 52.

⁴⁴ Федорова Н. В. Иконография медведя... С. 39.

⁴⁵ Чемякин Ю. П. Святилище кулайской культуры на Барсовой горе // Святыни: археология ритуала и вопросы семантики: Материалы темат. науч. конф. СПб., 2000. Рис. 2.

⁴⁶ Зыков А. П. и др. Угорское наследие... С. 131. № 50.

⁴⁷ Малоземова О. В. Из истории исследований на Усть-Полуе // Музей: Вчера, сегодня, завтра: Материалы науч.-практ. конф., посв. 90-летию Ямало-Ненецкого окруж. краевед. музея. Салехард, 1997. С. 53.

⁴⁸ Чиндина Л. А. Могильник «Релка» на Средней Оби. Томск, 1977. С. 69.

⁴⁹ Беликова О. М., Плетнева Л. М. Памятники Томского Приобья в V — VIII вв. н. э. Томск, 1983. С. 39, 95. Рис. 74–1.

⁵⁰ Могильников В. А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Археология СССР с древнейших времен до средневековья: Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 229. Табл. С–49.

- ⁵¹ Генинг В. Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха III в до н. э. – II в. н. э.). М., 1988. Рис. 4–35, 50.
- ⁵² Зыков А. П. и др. Угорское наследие... С. 131. № 50.
- ⁵³ Доманский Я. В. Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. М., 1984. С. 130, 212. Ил. 52.
- ⁵⁴ Ширин Ю. В. Культ медведя в Западной Сибири (К проблеме контаминации) // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск, 1997. С. 221. Рис. 1.
- ⁵⁵ Зыков А. П. и др. Угорское наследие... С. 132. № 54.
- ⁵⁶ Зыков А. П. и др. Угорское наследие... С. 132. № 57.
- ⁵⁷ Там же. С. 132. № 53.
- ⁵⁸ Федорова Н. В. Иконография медведя... С. 37.
- ⁵⁹ Морозов В. М., Кондрашев А. Н. Результаты предварительного обследования поселения Амтунюх 3 // Памятники Югры: вчера, сегодня, завтра. Томск, Вып. 1. Рис. 2–1–2; 3–12–14.
- ⁶⁰ Яковлев Я. А. Иллюстрации... С. 158–161.
- ⁶¹ Там же. С. 229.
- ⁶² Там же. С. 76–77. № 23.
- ⁶³ Там же. С. 64; Чемякин Ю. П. Святилище... С. 157, 159.
- ⁶⁴ Кузьминых С. В., Чемякин Ю. П. Об источниках...
- ⁶⁵ Чернецов В. Н. Бронза... Табл. VI, VIII, IX, XV–XVIII.
- ⁶⁶ Федорова Н. В. Иконография медведя... С. 39.
- ⁶⁷ Зыков А. П. и др. Угорское наследие... С. 37.
- ⁶⁸ Там же. С. 37, 38, 41; Федорова Н. В. Западно-сибирский звериный стиль // Древние бронзы Оби: Коллекция бронз IX – XII вв. из собрания Сургутского художественного музея: Каталог. М., 2000. С. 6–7; Зыков А. П., Федорова Н. В. Холмогорский клад... С. 37, 38, 47.